

И. И. Козлов

И. И. Козлов. Полное собрание стихотворений
Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание
Л., "Советский писатель", 1960

Вступительная статья, подготовка текста и примечания И. Д. Гликмана
OCR Бычков М. Н.

1

В 1821 году в журнале "Сын отечества" появилось стихотворение "К Светлане", принадлежавшее перу дотоле неизвестного поэта И. И. Козлова. Страшный недуг (слепота и паралич ног) приковал его к постели, и горестными жалобами на судьбу было пронизано все стихотворение, очень интимное по тону, напоминающее крик изболевшейся души.

Дебютанту было 42 года -- возраст весьма почтенный для новичка, вступающего на литературное поприще в эпоху, которая ознаменовалась чрезвычайно ранним и бурным расцветом поэтических талантов. Вряд ли кто-либо мог рассчитывать на то, что Козлов станет профессиональным поэтом. Но прошло всего лишь несколько лет, и имя Козлова облетело всю читающую Россию. После опубликования "Чернеца" (1825) Козлов был многими признан первоклассным талантом, который может быть поставлен в одном ряду с Пушкиным и Байроном. Подобные оценки исходили не от восторженных дилетантов, а от таких людей, как Е. А. Баратынский и П. А. Вяземский, знавших толк в поэзии.

Сам Козлов хорошо сознавал преувеличенность такого рода, суждений. Он с гордостью считал себя лишь учеником Байрона, Жуковского и Пушкина, под могущественным влиянием которых сформировался его поэтический дар. В 1825 году, будучи в зените своей славы, Козлов писал Пушкину: "Когда я собираюсь писать стихи, то читаю моего Байрона, Жуковского и Вас, и с грехом пополам воображение начинает работать, и я принимаюсь петь". {См.: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 13. М.--Л., Изд. Акад. наук СССР, 1937, стр. 536--537. В дальнейшем ссылки даются по этому изданию.}

Было бы неверно истолковать эти строки, исполненные чувства преклонения перед любимыми учителями, как авторское признание эпигонского характера своего творчества. В самом деле, наряду с мотивами, заимствованными из Байрона, Пушкина и Жуковского, поэзия Козлова питалась жизненными впечатлениями современности, нашедшими собственную художественную форму. Именно это придает индивидуальное своеобразие и оригинальность творческому облику Козлова.

Нельзя согласиться с теми критиками и исследователями, которые объясняют огромную популярность Козлова в двадцатых и тридцатых годах только драматизмом его личной судьбы, биографическими мотивами его поэзии. По этой концепции интерес к Козлову был вызван главным образом сочувствием и жалостью к поэту-инвалиду. Таким образом, творчество Козлова, волновавшее умы и сердца его современников, низводится до частного "биографического казуса", а широкие круги читателей наделяются чрезмерной чувствительностью, повелевавшей им любить поэта не за его стихотворения, а за его страдания.

Характерно, что такого рода филантропически-снисходительное истолкование поэзии Козлова вызвало резкое возражение со стороны издателя "Московского телеграфа" Н. А. Полевого, который видел в этом невольное оскорбление и унижение автора "Чернеца". Полевой высмеял тенденцию современных ему журналов "вымаливать" у читателей сочувствие к "поэту-страдальцу": "Почти каждое известие о новом сочинении или переводе г-на Козлова начиналось обыкновенно словами: "Судьба его должна возбудить участие в нежных сердцах; несчастье было для него гением животворным; мы уверены, что муза поэта-страдальца пробудит в сердцах" то и то, и так далее. Не знаю, что чувствовал поэт, слыша о себе такие отзывы, но, скажу чистосердечно, я не мог без досады читать подобных суждений о поэте, который в самых произведениях своих являет истинное дарование, и не горестным состоянием тела, но поэтическим умом и чувством привлекает к себе внимание всех любителей изящного. Что вам за дело до Козлова-страдальца, когда вы говорите о Козлове-поэте?" {"Московский телеграф", 1833, No 10, стр. 317--